

Фото: поле у ИК-1/Ксения Сонная/ОВД-Инфо

28.07.2017, 19:23 Ярославская область

РЕПОРТАЖ

За Резинотехникой в Очапках

Алексей Полихович, участник ОВД-Инфо, в прошлом — обвиняемый по «Болотному делу», — съездил вместе с участницей ОВД-Инфо Ксенией Сонной в Ярославскую область встретить выходящего из колонии другого «болотника», Дмитрия Ишевского.

Как объяснить таксисту у вокзала в Ярославле, в какую именно колонию тебе нужно? Тут их две — ИК-1 и ИК-8. Первая для первоходов, вторая — для «заходников», то есть для тех, кто сидит не в первый раз. Сергей Шаров, который часто ездит сюда к Ване Непомнящих, знает, что нужно сразу сказать таксисту: «Шеф, ИК-1 за Резинотехникой, в Очапки, едем?».

Но я начинаю неправильно. Я говорю в начале «простите, пожалуйста», и, видимо, тем самым разрешаю водиле через минуту разговора ответить на мой вопрос «Сколько?» — «Рубль». А Шаров, инструктируя меня вчера, говорил: цена поездки — «рублей триста». Отвечаю, что «рубль» — это много и хотелось бы за пятьсот. Даже

несмотря на то, что ехать в первую, которая чуть дальше восьмой.

«ЗаРезинотехникойвОчапках» — такой пароль, чтобы сразу понять друг друга и договориться о цене. Договориться о цене у меня получается хуже, чем выговорить пароль. Этот везти за 500 не хочет, подводит к другой машине, предлагает водителю взять нас до Очапок. Тот соглашается за 700.

Ну вот если подумать, что эта абракадабра может значить? Звучит примерно как «Над пропастью во ржи». В детстве я никак не мог взять в толк, в чем смысл этого словосочетания. Ведь тогда «пропасть» означала гигантский каньон, разрезающий землю примерно на ширину Волги; а «рожь» — в контексте — это поле, засеянное рожью до горизонта. Соответственно, там, где начнется пропасть, закончится и поле, и рожь. И никакого парадокса или тайны я в этом не видел. В смысле, тайна заключалась как раз в том, что для меня, ребенка, эта фраза звучала как полная бессмыслица.

В машине чуть прохладнее, чем на улице. В Ярославле жарко, солнце заволокло облаками, и после московских месяцев летнего безвременья с грозами, бурями и ливнями здешняя волжская духота кажется враждебной. Мы быстро покидаем центр города — он невысокий и старомодный без каких-либо попыток это скрыть. Съезжаем на окраину, едем по промзоне, обильно заросшей зеленью — на любом свободном от асфальта клочке земли растет какая-то трава, или кусты, или деревья. Выглядит все очень естественно, именно как постапокалипсис, а не как программа «Зеленые насаждения». На трансформаторах нарисованы граффити с советскими фильмами: «Афоня», «Берегись автомобиля», и еще усатый дядька со смешной прической, которого наполовину закрасили, и я все никак не вспомню, где же я его видел. Аутентичные для провинции универсам

«Верный» и химчистка «Постирушки» чередуются с универсальными «Сбербанком», «Дикси» и «Магнитом», и такие крупные конторы вызывают стыдное чувство комфорта: на них, словно на ниточку, нанизан весь привычный мне мир, чья логика мне более-менее ясна. А логика верных и постирушек — не очень.

Каждый раз, когда я приближаюсь к тюрьме географически, я начинаю ощущать тоску и страх. Тоску — потому что вспоминаю, что был когда-то по ту сторону портала и уже забыл, как там, перестал быть неуязвимым. Страх — потому что боюсь, что меня по какой-то причине заглотит обратно.

Это навязчивый сюжет снов. Гигантский, плохо освещенный корабль, металлический, снаружи наверняка выкрашенный в шаровую краску, с тысячами трапов, переборок, кубриков-камер и арестантов в них. Я плутаю по этому кораблю и иногда ищу выход, иногда — жену или друзей-подельников. Бывает так, что неволя остается как бы за скобками. Я на свободе, но знаю, что мне предстоит вернуться. Мне ни в коем случае нельзя опоздать, иначе произойдет нечто непонятное, логика тюрьмы нарушится, перестанет работать, и меня ждет неведомое. И вот я спешу в магазин закупить себе продуктов на полгода вперед. Либо пытаюсь домчать из Швеции обратно в Россию (тюрьму) на велосипеде, потому что самолеты перестали вылетать. Либо меня забирают в военкомат и уже оттуда передают в казенный дом. И весь сон проходит с мыслью, что все равно окажусь там, внутри, буду стучать плохой казенной обувью по трапам на проверки личного состава/контингента, и мне ни в коем случае нельзя опоздать.

Постепенно дорога становится узкой, и промзона уступает окраинным одноэтажным домикам частного сектора. Проезжаем вывеску «Резинотехника» — видимо, завод

по производству резины. Въезжаем в деревню с лесом и борщевиком по краям. Бывают такие населенные пункты вокруг российских тюрем, в которых есть только социальные гарантии, и больше ничего.

Снаружи ИК-1 выглядит как и любая другая колония: уродливое трехэтажное здание, на которое наклеены какие-то антенны, тарелки, колючая проволока, провода и подвесная лестница. Сходство портит практически игрушечная кирпичная башенка с невысокой стеной прямо перед КПП, скрывающая от глаз то ли какой-то шлюз, то ли курилку. Кроме того, у самой дороги есть еще одни ворота, где вроде бы тоже есть контрольный пункт, но сквозь них можно свободно пройти.

Именно здесь отбывают наказание фигуранты «Болотного дела» Иван Непомнящих и Дмитрий Ишевский. В апреле в зону заходили «маски» — спецназ ФСИН, Ваню, который в тот момент был в ШИЗО, и еще нескольких заключенных **избили**. Они заявили об этом правозащитникам и адвокатам — с тех пор в зоне **поменялся начальник**, а Непомнящих ужесточили условия содержания в колонии и сейчас **хотят установить за ним административный надзор** после освобождения.

Я вглядываюсь в людей в пятнистой серо-синей форме — они снуют туда-сюда, из двери в дверь, кто-то с автоматом на пост, кто-то в расстегнутой куртке покурить. Они кажутся совершенно такими же, как и в Рязанской области. Те же самые уставшие помятые морды. Те же самые тупые шутки, которых, впрочем, почти не слышно с такого расстояния. Та же красная с солнца кожа, стремительно седеющие волосы и цепкие упрямые глаза. Все СМИ написали, какой в этой зоне происходит беспредел, а мусора тут самые обыкновенные. В чем же тогда причина? Почему подобного не случилось у нас?

— Можно по выражению лица и походке определять звание и должность мента, — говорит Андрюха Барабанов, мой подельник и друг. Мы с ним и с еще одним фигурантом «Болотного дела» Сашей Марголиным стоим у внешних ворот зоны и ждем, когда из ее двери выйдет Дима Ишевский, у которого сегодня звонок.

Все мы втроем сидели в Рязани. Я выскочил первый по УДО и встречал из колонии Андрюху, потом мы вместе с ним — Дэна Луцкевича, потом — Марголина. Зимой мы ездили забирать Гаскарова в Тулу. В общем, да, это такая традиция, и это у нас такой небольшой клуб.

Со всеми своими многочисленными подельниками я познакомился уже после 6 мая. С большинством — уже после того, как попал в тюрьму. Саша же знает Ишевского еще по воле. Поэтому эта встреча для него не совсем то же самое, что для нас.

Фото: друг Дмитрия Ишевского, Александр Марголин/ОВД-Инфо

— Митя — нормальный честный парень. Потому тогда на Болотной на него так и сработало... Другое дело, что он помоложе, поактивнее, поэтому немножко по-другому реагировал. Тогда, 6 мая, получилось так, что полицейские

уже пытались Митю изъять, а я, собственно, помог ему — его тогда даже не арестовали. Этот эпизод и лег в основу обвинения. Это был именно тот случай, когда я мусору и накернил, — Саша рассказывает про Диму, которого все окружающие меня люди называют Митей, а у меня язык не поворачивается, своим мягким негромким голосом. Роль рассказчика-ментора ему нравится.

— Мы с ним познакомились после митинга на Чистопрудном (в декабре 2011 года — ОВД-Инфо). Собственно, на Мясницкой нас арестовали вместе, и мы попали в один автозак, и в один «овод», и в одну камеру спецприемника. В «оводе» (Марголин говорит не ОВД, а «овод» — ОВД-Инфо) мы сложили наши куртки на пол и по очереди на них спали, потому что двое суток провели в условиях, когда было 14 метров на 17 человек. Ну и как-то сдружились с этого времени. После в баньку ходили, прям несколько человек из хаты нашей, и на митинги. Потом случилось 6 мая. В принципе было понятно, наверно, что-то как-то — Митя там отличился. А когда меня арестовали, выяснилось, что его тоже ищут. Он отъехал из страны, потом вернулся. Я уже был под арестом. Его арестовали в мае 14-го. Знакомился с делом и понял, что там было много Мити, даже в моем усеченном варианте. Эшники показывали мне фотографии из моего аккаунта ВК еще на Петровке. Там была наша с Митей фотография с митинга на Сахарова. Они спрашивали: «Кто это?» Делали вид, что не знают, но скорее всего, конечно, знали, потому что нас в овде фотографировали и по фото уже опознали. Мы с ним пересеклись уже на «Бутырке». Конечно, я был дико раздосадован тем, что его все-таки арестовали. Я ему сказал: «Иди на особый порядок и не думай. Не нужно сидеть столько времени в Москве, уедешь на лагерь — будет легче». На лагере все-таки проще, чем в СИЗО, и я знал, что у него были серьезные личные обстоятельства.

— Смотря какой лагерь, — говорю я, подразумевая в первую очередь именно этот самый лагерь, где «маски» бьют людей «под крышей» (в ШИЗО и ПКТ — ОВД-Инфо).

— Ну, давай так. Нас сильно далеко не отсылали. Контроль за нами большой, ни с кем практически не жестили. То что с Ваней тут произошло здесь, я так понимаю — это просто стечение обстоятельств серьезных. Сложение разных факторов. Мусора же тоже неоднородные, клановые. Одни хотели подставить других, мне кажется, и Ваню использовали такой вот картой. Они же все время друг друга жрут. И тут, наверняка, тоже кто-то кого-то сожрал. Но Ванина ситуация помогла в том, что наконец-то под крышей стали питаться нормально. 25 с лишним лет там была эта ситуация со шлемками (*шлемка — тарелка; в ШИЗО заключенным выдавали еду из шлемок для «опущенных» — ОВД-Инфо*).

Тут мы замечаем, что к Ксюше и Наташе (*Корреспондентка ОВД-Инфо и журналистка «Радио Свободы» — ОВД-Инфо*), которые стоят неподалеку, подошел какой-то сотрудник и что-то им очень недовольно объясняет. Мы замолкаем и вслушиваемся, оценивая, стоит ли вмешаться. Сотрудник строго отчитывает Ксюшу за то, что она пользуется фотоаппаратом вблизи режимного объекта. Она отвечает, что просто настраивает камеру. На что мент говорит, что у них, мол, у колонии, есть камеры, которые с 50 метров спичку в спичечном коробке снимают — и они все видят, и если кто-нибудь еще раз попробует снять колонию, то «заключенного, которого вы ожидаете, выпустят без пяти двенадцать ночи». Удаляется персонаж с очень важным видом, что-то важно и недовольно говоря кому-то.

— Так, вроде пока никого не задерживают, — я пытаюсь вернуться к разговору с Сашей. — Ну смотри. Почему в этой зоне так, а у нас в Стенькино так не было?

И с масками, и с шлемками, и со всем? Потому что тут мусора хуже?

— Скорее они просто слабые — и мусора, и «субкультура» («блатные» — *ОВД-Инфо*). И Управа (*управление ФСИН по Ярославской области — ОВД-Инфо*) слабая.

Не понимают, как контролировать контингент. И чтобы хоть как-то держать в узде начинают жестить. Очень часто меняются хозяйки. Именно нестабильная власть. Никто не успевает ни с кем договориться. Ни в чем разобраться, понять правила игры. Побыл пару месяцев и.о. — и все. А для зеков нет мотивации. Зачем человеку тут себя хорошо вести, работать? Тут по УДО уходят — слезы. У нас в неделю столько уходило, грубо говоря, а у них за полгода. Ну что они могут в этой ситуации? Это был определенный бич, чтобы кого-то наказать — человек знал, что под крышей плохо. Вот в Стенькино все четко знали: если накосячишь — получишь табуреткой по голове. Да, бывало разное, но всегда все держали в уме табуретку смотрящего. Здесь же что угодно может быть. Поэтому практиковались раз в квартал «маски» — «крышу» бьют, так далее. Понятно, что все на чем-то кормятся. Кто-то на ШИЗО, которое не ест нормально. Кто-то телефоны заносит — кто-то их отбирает. У всех свои интересы — у оперов, у безопасников, у смены (*подразделения и отделы работников ФСИН внутри колонии — ОВД-Инфо*). Как обычно — друг друга едят все.

Через дорогу от зоны располагается небольшой пятачок земли, где припаркованы машины встречающих. Сразу за ним начинается поле с борщевиком.

На импровизированной парковке лежат в грязи зековские вещи, оставленные освобожденными — ботинки и роботы, вдавленные в глину.

Все машины на парковке не помещаются, поэтому еще пара-тройка их липнет рядом вдоль дороги. Периодически приезжает такси «Тройка» и привозит очередного прожаренного солнцем, жизнью и тюрьмой мужика. Кучки ожидающих освобождения составляют углы ломанной геометрической фигуры. Видно, что тут много отсидевших — вернувшись к зоне, они быстро, буквально за минуты снова вбирают в себя зековскую манеру держаться и говорить. Или это сидит в них и прячется.

Ожидание затягивается, поэтому один из встречающих идет к дежурке уточнять, сколько еще ждать. Он возвращается, неспешно пересекает дорогу, поворачивает голову в сторону стоящей в стороне от парковки машины и говорит пареньку, который как раз выглядывает из нее: «Саньч сказал, документы подадут — и будут». И этот паренек из машины — он точно такой же, что и тот, что ходил к дежурке, они одинаково ходят вразвалочку и наверняка одинаково курят «Яву Золотую» или ту же «Тройку», ценят чифир и слушают тоскливые тягучие песни про дальнюю дорогу домой. А Саньч — это, конечно, мент, их во всех областях называют по отчеству. Вот какая-то соседская на Руси зековско-ментовская жизнь — все друг друга знают, относятся друг к другу со вниманием, узнают друг у друга последние новости.

Я подхожу к жене Ишевского, красивой невысокой женщине, которая сегодня все время улыбается, и спрашиваю, как все это было три года и два месяца. Но она разговаривать со мной не готова и перенаправляет меня к сестре Димы — их зовут одинаково, Маша и Маша.

Сестра Маша говорит много и увлеченно. Она носится от одной машины с друзьями Димы к другой, от кучки родственников к журналистам и обратно, но соглашается со мной поговорить, хотя мы не знакомы. У нее красивый голос, а когда она рассказывает о брате, он становится еще более красивым и ласковым. Спрашиваю, говорил ли Дима, чем он займется после освобождения.

Фото: Мария, сестра Дмитрия Ишевского/ОВД-Инфо

— Женщину хочется! (Смеется.) Ну... Он несколько лет работал в кадетском корпусе воспитателем. Ушел оттуда еще до этих событий, до Болотной. Думаю, после тюрьмы на работу будет не так просто устроиться, как хотелось бы. Не знаю. Взрослый человек — должен сам от этого всего отойти. И должен сам заново выстраивать жизнь с учетом того, что было. И, соответственно, не повторять того, что было.

— Вы считаете, он совершил ошибку?

— Ну можно же по-разному участвовать в протестах. Там много тысяч человек было. А попали тридцать. Я тоже участвую в протестах, но, слава богу, пока... Я просто считаю, что взрослые люди должны формулировать мысли, уметь отстаивать не кулаками, а через те инструменты государственные, которые существуют. Да, это сложно, да, конечно, когда ты молодой и горячий, хочется сразу перемен, не хочется ходить пороги обивать. Годами. Добиваться чего-то. К сожалению да, в стране ситуация такая. Но я в этом смысле придерживаюсь

немного иной позиции. Я буду настойчиво добиваться того, что мне положено по закону.

— Стали интересоваться темой тюрьмы из-за того, что Дима оказался в таком месте?

— Тюрьма — это отражение ситуации в стране. Количество тюрем, количество заключенных, то, как они содержатся, то, как они устраиваются после, и то, как часто они возвращаются обратно, — это говорит о ситуации в стране. От Митьки знаю примеры, что люди возвращаются туда, потому что... Ну за какие-то мелкие хулиганства, потому что там, где они живут, нет ни работы, нет ни возможностей, нет ни дома... Там миллиард родственников каких-нибудь алкашей... Да, в Москве хорошо, в 5–7 городах-миллионниках хорошо. А все остальные... Митяй! Юхеей! — вдруг Маша начинает кричать, потому что видит брата там, через дорогу.

Она бросается навстречу, как и все остальные, и я в том числе. Дима — я вижу его впервые — кажется очень худым по сравнению с тем, как он выглядит на фотографиях. Я его даже сначала не узнаю.

Фото: Дмитрий Ишевский у ИК-1/ОВД-Инфо

Проходят первые объятия, поцелуи, рукопожатия. Дима очень улыбчивый, хотя к этому, конечно, обязывает ситуация. Говорит четко, но живо.

— Худеть ниче, главное — душой не похудеть. От Ваньки всем огромный привет. Удалось с ним поговорить, все нормально. Всем вообще огромные приветы. Он там держится, крепится. Он в СУСе (Строгие условия содержания — ОВД-Инфо). Держится бодрячком.

Голос у Ишевского радостный. Рассказывает про Непомнящих — как он услышал о том, что в колонию приехал человек с такими же статьями, как и у него. Как

схватил сладости и рванул в карантин, к Ване, встретился с ним и познакомился. Сказал ему: «Здорово, Ваня, я твой поделщик — Дима Ишевский».

Поздравляю его с освобождением и рассказываю, как мы с Андреем встречали Марголина в Рязани. Мы его к окошку «карантина» подтягивали, чтобы переговорить. Саша тогда был бледный и опухший, как и все люди, приезжающие с централа. Такими же приезжали и мы. Может, в лагере оно действительно лучше?

Стоим полукругом перед Димой, он практически на дороге, машины почтительно притормаживают и объезжают. Он доброжелателен, и в нем совсем почему-то не чувствуется напряжение, зонавская заморозка, какая была у меня, у Андрюхи или у Гаскарова.

Внезапно откуда-то сбоку в полукруг вторгается другой освободившийся зек, в ярко-розовой футболке и коротких летних шортах, тоже высокий, как и Дима, лысый, со скользящими по окружающему пространству глазами. Ишевский говорит, что это Серега, они вместе на пилораме работали. Серега молча, не улыбаясь, встает рядом с Димой, обнимает его за плечи и, отвернув голову вдаль, то ли спрашивает, то ли говорит без тени сомнения, очень тихо: «Камера у кого?». Несколько человек снова

достают уже убранные мобильные телефоны, фотографируют. Серега, постояв рядом с Ишевским минуту, так и не изменив выражения лица, уходит.

Маша-жена приносит бутерброды с колбасой и сладкий кофе с молоком, предлагает всем. Дима же ест персики и, судя по улыбке, получает от этого дикое удовольствие. Спрашиваю, много ли он выпил чифира с утра. Говорит, много. Спрашиваю, часто ли приезжали в колонию «маски». Отвечает, что после истории с Ваней и остальными вообще не приезжают. А вот до этого с приходом нового исполняющего обязанности, которого как раз сняли недавно, было обещано, что будут приезжать каждые две недели:

— С конца февраля по апрель это было. Было непонятно, чего они от этого хотят, чего добиться. До этого все тихо было, спокойно, а потом пошло по нарастающей. Ребята, которых били, успевали только кое-как очухаться с предыдущего приезда — а тут уже опять приехали. Так тяжело было. Находились мы в жилке, на промке (Жилая и промышленная зоны колонии — ОВД-Инфо), но все равно потихоньку все узнают что происходит. Многие уже боятся жаловаться правозащитникам или в прокуратуру, потому что понимают, что будут бить. Обычный человек вот так вот взять и рассказать все не может.

Ну он не вывезет, не сможет. Не хватит его ресурсов, сил, его родных не хватит. Просто закроют его в СУС, БУР (Барак усиленного режима — ОВД-Инфо), и до конца срока. Еще и надзор будет, хотя прав на сто процентов. Но не добьется в той системе ничего. То есть институт надзора, когда можно жаловаться на действия ФСИН, по существу не работает. Для них главное, чтобы им не жаловались, чтобы сор из избы не выносили. А как там чего с людьми — фиг с ними.

Я, не очень понимая, что на такое ответить, желаю Диме удачи и шучу, что теперь его очередь интервью раздавать.

Внезапно вспоминаю, что сегодня — 26 июля, и ровно 5 лет назад меня забрали в тюрьму, и она, видимо, осталась со мной до сих пор — ведь где я сейчас. Близкие забирают Диму в кафе поить коньяком, кормить нормальной едой и говорить тосты.

Но прежде Саша вспоминает, что нужно делать традиционное фото болотников. Мы встаем вчетвером в ряд, колония — за спиной через дорогу. Нас фотографируют, а мы все подначиваем друг друга — особенно Саша и я. На фотографиях я жутко нелепый.

В день, когда освобождался Дима, к Ване приходили делать геномную экспертизу — для предполагаемого административного надзора на воле. Мы еще не успели уехать из Ярославля, как он позвонил Шарову и сообщил об этом. На следующий день Шаров планировал шуметь через Москалькову по этому поводу, пока адвоката Ирины Бирюковой нет в России.

Руслана Вахапова, который в апреле заявил об избиении вместе с Ваней и Евгением Макаровым, в тот же день 26 июля снова поместили в ШИЗО.

Болотное дело

Уголовное дело, заведенное после столкновений в Москве на Болотной площади 6 мая 2012 года. Преследованию подвергнуто более 30 человек, одно из самых крупных политических дел современной России.

109 446

Ещё почитать

30.12.2025 [Ярославская область](#)

Осужденного по делу об антивоенных граффити уже почти два месяца держат в ШИЗО